

БЮРОКРАТИЯ И РЕФОРМА В РУССКОМ КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ*

М.Н.Лукьянов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Анализируются консервативные представления о бюрократии и ее роли в реформировании политической системы накануне и в период революции 1905 – 1907 гг.

Среди научных проблем, связанных с изучением реакции российских консерваторов на крупные социально-экономические и политические сдвиги в конце XIX – начале XX в., вопросы взаимоотношений консерваторов и бюрократии чаще всего оказываются на периферии интересов исследователей. Во многом это объясняется восходящей к радикальной политической риторике изучаемого времени привычке видеть в консерваторах политическое лобби бюрократов. Между тем среди консерваторов встречались и последовательные защитники, и последовательные критики бюрократии, позиционировавшиеся как непримиримые борцы с чиновничьим произволом.

В настоящей работе предполагается проанализировать консервативные представления о бюрократии накануне и в годы первой русской революции. В условиях острых дебатов по вопросу о возможности и характере реформы государственного строя эта проблематика приобретала особую значимость для политического самоопределения консерваторов.

В консервативной публицистике рубежа веков бюрократию часто представляли как доминирующую социальную группу, узурпировавшую власть и отождествившую собственные корыстные интересы с государственными. «Вместе с раскрепощением дворянства при Петре III и крестьянства при Александре II шло раскрепощение чиновничества, которое создавало себе наиболее выгодное и привилегированное положение, пока не оказалось сословием высшим, автономным и самодержавным», -

писал в 1901 г. влиятельный консервативный журналист, один из основателей Русского собрания С.Н.Сыромятников¹.

Известный земский деятель, участник «Беседы» П.С.Шереметев предупреждал, что сохранение этой ситуации наносит ущерб самодержавию, ибо превращает земства из опоры существующего порядка в его противника. «Состоя главным образом из поместного дворянства, оно (земство. – М.Л.) служит земле и будет служить местным нуждам, если бюрократия не умертвит более равнодушных и не заставит прочих выйти на путь конституционной борьбы»².

Хорошо известный в петербургских «сферах», имевший возможность лично обращаться к государю, славянофильский публицист и придворный, А.А. Киреев пытался убедить царя в опасности бюрократии, доказывая ее политическую ненадежность и идейную близость к конституционалистам. «Мы, верные Ваши подданные, одинаково враждебны и тому “средостению”, которое намеренны воздвигнуть между нами конституционалисты (в виде камер³), и тому, которое уже воздвигла безответственная бюрократия. Знайте, Государь, у Вас и у верной Вам России одни и те же враги: конституционалисты и бюрократы»⁴.

В качестве альтернативы засилью чиновников предлагалось расширение полномочий самоуправления, предоставления свободы слова и печати, создание законодательных учреждений наподобие земского собора. При этом, естественно, не было и речи об ограничении власти импе-

© М.Н.Лукьянов, 2008

* Исследование, положенное в основание настоящей статьи было выполнено в период пребывания автора в Смольном коллегииуме (Смольный институт свободных наук и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет) в качестве стипендиата фонда Карнеги в весеннем семестре 2006/07 учебного года.

ратора, который должен был по-прежнему оставаться самодержцем. Детальную программу сочетания самодержавно-монархического начала с общественной инициативой разработал видный консервативный публицист – славянофил С.Ф.Шарапов.

Суть шараповских предложений состояла в том, чтобы освободить царя от необходимости принимать решения по мелким вопросам, поставить его «вне бюрократической машины»⁵. Страну намечалось разделить на крупные области, объединяющие несколько губерний. Во главе области находился бы назначенный государем генерал-губернатор, который, в свою очередь, должен был назначить областную думу из числа членов областного земского собрания. Земское собрание должно было принимать местные законы, утверждаемые генерал-губернатором, устанавливать налоги и т. д. В случае необходимости царь мог созвать общегосударственный Земский собор, «имеющий единственное значение – просветить Волю Государя мыслями его подданных, утвердить или поколебать Государя в его решении, поддержать его и снять с него на себя историческую ответственность в случае сомнения»⁶.

Эти идеи были весьма популярны в консервативной среде⁷. Они органично вписывались в «национальный миф» – форму репрезентации самодержавия, который доминировал при двух последних русских государях. Важной составляющей этого мифа была идея прямого личного контакта государя с народом, осуществляемого помимо бюрократических норм и институтов⁸.

Однако далеко не все консервативные идеологи принимали описанные рецепты совершенствования государственного механизма. Другая группа консерваторов полагала, что инициатива решения проблем управления могла принадлежать только государству в лице бюрократа, а общественное участие ассоциировалось с неорганизованностью и некомпетентностью. Разделявшим эту точку зрения казалось, что общественная инициатива даже самого благонамеренного свойства создавала гораздо больше проблем, чем разрешала, и общественная самодеятельность должна была служить исключительно реализации воли высшего начальства.

Редактор «Московских ведомостей» В.А.Грингмут утверждал, что уже в николаевское время был создан «верно действовавший государственный механизм, в котором каждое колесо, каждая пружина была на своем месте и которое в существе своем сохранился и в доселе в своем неиспорченном виде, несмотря на коренные государственные реформы...»⁹. Именно этот механизм, а не славянофильская «земля» и ее институциональное выражение – земства – выступал гарантом социально-политической стабильности.

Полемизируя с Шараповым, редактор другого консервативного органа – петербургского «Гражданина» – В.П.Мещерский настаивал: «Нельзя основывать Самодержавие на начале ему противоположном: неограниченная власть монарха не может опираться на самоуправление, получающее свою власть от народа... Россия сильна, пока она держится своего исторически сложившегося Самодержавия; но она не может быть с Самодержавием сверху и с республикой снизу». Реализация программы Шарапова с неизбежностью привела бы к подчинению государственных структур общественным. Между тем требовалось не расширять полномочия местного самоуправления, а привлекать к работе в государственных органах наиболее авторитетных ответственных местных деятелей. Мещерский подчеркивал разницу между ним и Шараповым: «Моя мысль: окружить сильную правительственную власть в губернии и в уезде лучшими местными людьми. Г.Шарапова мысль: подчинить местному земству местную правительственную власть»¹⁰.

Едва ли такую подчеркнутую лояльность бюрократии Грингмута и Мещерского можно объяснить исключительно правительственными субсидиями, которые получали эти издания¹¹. Во всяком случае, начало политических реформ и изменение политической конъюнктуры не привело к радикальным изменениям в политической ориентации обоих столпов российской консервативной журналистики. И «Московские ведомости», и «Гражданин» постоянно критиковали «обновленный строй» и пропагандировали достоинства прежней организации власти. К тому же накануне революции 1905 г. выступления в защиту бюрократии звучали и из уст тех, у кого не было ви-

димых оснований «продаваться» власти. Это, в частности, относится к известному земцу и общественному деятелю Ф.Д.Самарину – представителю знаменитого рода, племяннику классика славянофильства – Ю.Ф.Самарина.

Летом 1904 г. он прямо-таки воспевал заслуги российского чиновничества. «Если бюрократия могла восстановить равновесие в бюджете, привести наши финансы в такое блестящее состояние, в котором они никогда не были, ввести золотое обращение, справиться с таким небывало колоссальным предприятием, как винная монополия, и заведовать железнодорожным делом, во всяком случае, не хуже частных предпринимателей, то не знаю, какие могут быть основания, чтобы утверждать, что бюрократическая машина работает теперь хуже, чем 40, 50, 60 лет тому назад?»¹². Наоборот, усиление влияния общества на государственные дела казалось Самарину делом чрезвычайно опасным, так как могло привести к доминированию в управлении не социально активных помещиков, а земской интеллигенции, пресловутого «третьего элемента»¹³.

Сами бюрократы также были склонны видеть в себе носителей государственного интереса и управленческой компетентности, отказывая в таковых общественным деятелям. В этом сходились такие непохожие друг на друга и постоянно друг другу оппонировавшие представители высшей бюрократии, как С.Ю.Витте и В.К.Плеве.

Первый выступил против предложенного И.Л.Горемыкиным проекта распространения земской организации на территории, где их еще не было, и даже написал целый трактат на эту тему. В нем Витте, в полном противоречии с Шараповым, пришел к выводу о принципиальной несовместимости самодержавия и самоуправления. «В самодержавном строе государства с неизбежным при нем бюрократическим центром земство – непригодное средство управления»¹⁴. Буквально накануне революции будущий инициатор манифеста 17 октября решительно выступил против включения в императорский указ 12 декабря обещания привлечь представителей населения к разработке законов.

Крайней подозрительностью к любым формам общественной самодеятельности отличался Плеве. Сомнительным казалось

даже по определению консервативное Русское собрание, которое согласно уставу должно было «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа»¹⁵. По воспоминаниям Н.А.Энгельгардта, только информация о расположении Николая II к Собранию помешала Плеве «прихлопнуть» эту организацию¹⁶.

Разумеется, ни состав, ни провозглашенные Русским собранием цели не давали никаких оснований видеть в нем угрозу власти российского самодержца. Очевидно, неприязнь к организациям такого рода объяснялась другим обстоятельством – глубоким убеждением в необходимости сохранить за бюрократией монополию на разработку и принятие политических решений. При этом бюрократ стремился не просто защитить собственный капитал – власть, но обеспечить профессионализм и единство системы управления.

В этом контексте нуждаются в уточнении утверждения о том, что еще до революции 1905 г. среди высших бюрократов получила широкое распространение идея привлечь к управлению страной представителей общества. По словам С.Е.Крыжановского, даже Плеве с его репутацией ярого противника всяческой общественной инициативы говорил о желательности включения земских деятелей в повседневные труды государственного аппарата¹⁷.

Насколько убедительна версия о серьезности намерений бюрократов расширить влияние общества на государственные дела еще до начала революции? Во-первых, нельзя не отметить, что заявления об этом были сделаны задним числом и в ситуациях, которые предполагали демонстрацию лояльности обществу и «договороспособности» бюрократии. Во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов суждения противоположного свойства, принадлежащие не менее информированным современникам¹⁸. В-третьих, на уровне практических решений, особенно в деятельности ключевого в этом отношении министерства внутренних дел, общественная инициатива чаще игнорировалась или подавлялась, чем встречала благожелательный прием.

Судя по всему, до возникновения форс-мажорной ситуации бюрократия делиться

реальной властью не собиралась. Правда, отсутствие готовности поделиться правами не исключало готовности поделиться ответственностью и обязанностями. Плеве заявлял, что телегу российской государственности должны тащить впряженные в нее земцы, а управлять экипажем – чиновник, но никак не наоборот¹⁹. Именно совершенствование бюрократической машины казалось магистральным путем развития русской государственности. Особый интерес в этом плане вызывала идея объединенного правительства, кабинета, перспектива соединить в руках его лидера все дотоле разделенные между отдельными ведомствами нити управления.

По мере усложнения российского социума развивались параллельно две взаимосвязанные тенденции: отдельные социальные группы осознавали свои интересы и одновременно совершенствовалась, рационализировалась система государственного управления. Для общественного деятеля в этих условиях ключевое значение имело создание общенациональных представительных институтов, для бюрократов – внедрение в практику управления принципа кабинета.

Представительные учреждения и кабинет были вполне совместимы друг с другом, но, для того чтобы тот или иной вариант их сочетания стал реальностью, необходимо было отобрать соответствующую толику власти у самодержавного монарха. Таким образом, оба направления модернизации политической системы России означали открытое покушение на монаршую прерогативу, и в этом деле бюрократ выступал естественным союзником либерального общественного деятеля, боровшегося за представительство.

Ведущая роль в этом союзе, естественно, должна была принадлежать бюрократии, в руках которой находилась практическая разработка законодательства. Не стремясь к расширению общественного влияния на сферу управления, бюрократия как минимум имела возможность сбалансировать введение представительства, увеличив политический вес правительства. Новая конструкция властных учреждений позволила бы давить на представительное учреждение, опираясь на монарха, а в случае конфликта с императором – апеллировать к

мнению народных избранников. В результате от политических реформ выиграли бы не только оппозиционные элементы, но и бюрократы, тогда как главной жертвой политического компромисса становилась императорская власть.

Первые же шаги по пути к изменению законодательства о власти, сделанные в условиях революции, были восприняты консерваторами весьма болезненно. Это объяснялось как содержанием, так и обстоятельствами разработки новых решений: трансформация законодательства происходила в кратчайшие сроки, под мощным давлением снизу.

Потребовалось всего 8 месяцев для того, чтобы от идеи привлечь выборных от населения к разработке законов (18 февраля 1905 г.) прийти к идее законодательной Государственной Думы (17 октября 1905 г.). Да и избирательный закон 11 декабря 1905 г., несмотря на многоступенчатую систему выборов и неравенство различных категорий избирателей, предоставлял населению избирательные права, вполне сопоставимые с теми, которыми обладали избиратели западноевропейских стран.

Реалии российского законодательства оказались куда радикальнее самых радикальных проектов консервативных реформаторов предреволюционной поры. Очевидны были и те выгоды, которые новые законы сулили бюрократии. Неудивительно, что об их разработчиках заговорили как об инициаторах революционных выступлений. «...Правительство не только само встало во главе чисто революционного движения, но, введя в заблуждение Верховную власть, вынудило у нее фатальные и крайне опасные документы 12 декабря 1904 г. и 18 ноября (ошибка – очевидно, февраля. – М.Л.) 1905 г.», - писал 25 марта 1905 г. К.Н.Пасхалов²⁰.

«Переходя на личности», редактор «Московских ведомостей» В.А.Грингмут уточнял: «Крамолу убила верного стража России – министра Плеве. И немедленно С.Ю.Витте и Святополк-Мирский пригласили крамолу вступить чрез пробитую ею широкую брешь в самое сердце нашей твердыни»²¹. Роли инициаторов и вождей бюрократической крамолы чаще всего отводились именно этим персонажам. По мнению славянофила, создателя Союза рус-

ских людей А.Г.Щербатова, именно Святополк-Мирский подал знак к началу революции²². Грингмуту чудились «...русские крамольники с С.Ю.Витте во главе»²³.

Вчерашние поборники преобразований оценивали ситуацию не менее мрачно. В середине января 1905 г. А.А.Киреев писал Ф.Д.Самарину, намекая на его прежний оптимизм в отношении бюрократии: «И Вы бы поколебались в своих взглядах, если бы видели, что у нас делается! Витте ведет нас к конституции»²⁴. При всей звучности такого рода обвинений в них заведомо присутствовал элемент некоей театральности. Едва ли высшие бюрократы могли всерьез рассматриваться как ставленники (и тем более вожди!) революционеров. В конце концов, с ними продолжали общаться, встречаться в свете.

Куда более веско на этом фоне выглядели упреки в неадекватной реакции на революционные выступления. Бюрократов-реформаторов обвиняли в том, что, подчиняясь давлению снизу, они только раздражают оппонентов и подталкивают их к все более радикальным шагам. Под впечатлением от убийства Великого князя Сергея К.Н.Пасхалов замечал: «Надо бороться не уступками, не разрушительными реформами, сочиняемыми на нашу погибель Г.Витте и К^о, а железною беспощадною рукою задушить эту гидру, которая иначе задушит нас всех!»²⁵. В связи с этим (причем публично!) объявлялись неадекватными даже решения Верховной власти. «...Рескрипт 18 февраля едва ли поведет к умиротворению волнующихся умов: для части общества и всего народа, остающихся верными Самодержавию, акт этот излишен, а группу лиц, стремящихся к коренной перемене системы правления, он не удовлетворит...»²⁶.

По-видимому, эти настроения имели в 1905 г. среди российских консерваторов весьма широкое распространение. В обращении курских дворянских активистов рисовалась четкая схема эскалации политического конфликта. «...Сначала усиливается подпольная противоправительственная агитация, затем начинают функционировать недозволенные законами страны собрания недовольных государственным строем элементов, потом являются уже открытые, вооруженные против правительства и су-

ществующего строя сначала местные бунты и окончательной и последней стадией всего этого образуется всеобщая вооруженная государственная революция со всеми сопровождающими ее жертвами, ужасами и насилиями»²⁷.

В силу того что дело зашло слишком далеко, обычных инструментов управления казалось недостаточно. Страну предлагалось разделить на генерал-губернаторства, предоставив генерал-губернаторам чрезвычайные полномочия – судить обвиняемых в политических преступлениях и беспорядках военными судами по законам военного времени²⁸. Трудно сказать, насколько авторы обращения надеялись на реализацию своих предложений, но хорошо осведомленный о правительственных намерениях видный консервативный сановник С.Д.Шереметев 20 сентября 1905 г. записывал в дневнике: «Кто начинает уступать – тому приходится продолжать уступки»²⁹.

Невозможность положиться на правительство заставила консерваторов взяться за создание собственных политических организаций. Первые шаги на этом пути были сделаны *вопреки* действовавшему законодательству. Весной 1905 г. (еще до Манифеста 17 октября, разрешившего создавать политические союзы) было объявлено об образовании двух консервативных объединений – Союза русских людей во главе с А.Г.Щербатовым и Русской монархической партии – с В.А.Грингмутом³⁰. Их создание трактовалось как вынужденный шаг, обусловленный бессилием исполнительной власти. «Для чего же мы стали бы создавать партийные боевые организации, если бы мы спокойно стояли за Правительством, как за каменной стеной...», - объяснял позднее Грингмут³¹.

Консервативные организации рассматривались не только как инструмент поддержки правительства, но и как противовес ему справа. Один из лидеров и создателей Союза русского народа, Б.В.Никольский, публично заявил царю о несовпадении целей правительства и объединений правых. «Для нашей верности нет и, с Божьего благословения, никогда не будет примирения с Правительством, действующим несогласно с данною нами присягой...»³².

В программном документе одной из правых организаций самостоятельность и

активность консервативных масс провозглашалась важнейшим фактором успеха в борьбе против двух врагов, революционеров и бюрократов. «Наши смутные и грозные дни, начавшиеся борьбой с правительством, теперь являются днями анархии, когда революция, обессилив правительство, приобрела себе неожиданного врага – русский народ. Место бюрократической власти и организованного революционного насилия занимает стихийная сила народа, охваченного жаждой уничтожить и эту власть, и насилие»³³.

Представления о том, что консерватор должен вести борьбу на два фронта, придерживались многие консерваторы. Киреев использовал в письме своему постоянному корреспонденту, Самарину, ту же риторическую фигуру: «Нам приходится бороться столько же с революцией, сколько же с правительством графа Витте»³⁴.

Однако при всей неприязни консерваторов к «расхищавшему самодержавие» бюрократу, революционеры вызывали у них куда больший страх, будучи непосредственной, «физической» угрозой. Это превращало победу над революцией в приоритетную политическую задачу, которая не имела практического решения без взаимодействия с бюрократией и принятия новых правил политической игры. Последнее облегчалось тем, что преобразования осуществлялись именем императора, а сохранение самодержавной власти провозглашалось политическим приоритетом.

Решительные действия П.Н.Дурново, а после его отставки – П.Н.Столыпина по подавлению революционных выступлений получили полную поддержку консерваторов. В первом случае никакой морально-политической проблемы для них не возникло. Дурново однозначно ассоциировался не с реформами, а с кровавым подавлением революции. Что же касается Столыпина, то он был известен своими реформаторскими взглядами и к тому же, будучи не только министром внутренних дел, но и главой правительства, представлял его в целом. Тем не менее в период революции отношение консерваторов к «русскому Бисмарку» было вполне лояльным.

Открытый противник политических свобод и представительства, Грингмут в сентябре 1906 г. говорил о возможности

«сочувствовать политике П.А.Столыпина» и перечислял «его заслуги перед Россией». Главной из них он называл циркуляр о недопустимости участия чиновников в «партиях, стремящихся к ниспровержению существующего государственного строя»³⁵.

В симпатиях к Столыпину, несмотря на отказ войти в его правительство³⁶, признавался и Самарин. «Столыпина я считаю безусловно честным, благородным, порядочным и исполненным самых лучших намерений. Еще важнее, что у него высоко развито сознание долга и ответственности. Государю он безусловно предан. Его мужество, спокойствие и твердость признают даже его политические противники», - отмечал он в письме к С.Д.Шереметеву³⁷. «Это бесстрашный “gentleman”», - аттестовал премьера Киреев³⁸.

Главным результатом взаимодействия консерваторов и высшей бюрократии стал разгон II Думы и принятие нового избирательного закона 3 июня 1907 г. Эти события были восприняты консерваторами как большой политический успех; правда, в них увидели скорее начало движения в правильном направлении, чем его завершение. Один из умеренно-консервативных публицистов, М.О.Меньшиков, по этому поводу писал: «Раз приступлено к серьезному пересмотру конституции, следует пожелать, чтобы государственная власть довела великое дело реформы до конца, не останавливаясь пред дальнейшими усовершенствованиями нового строя. Данный вчерне, в случайном, весьма поспешном наброске, этот строй нуждается не только в детальной отделке, но и в весьма существенных изменениях самого плана»³⁹.

Давление справа ради продолжения пересмотра законодательства о власти, принятого в годы революции, продолжалось во время всего существования третьеиюньского режима. Однако ни ограничивать полномочия Думы, ни далее ужесточать избирательный закон правительство не стало. Отказ бюрократов пойти навстречу требованиям консерваторов способствовал их отчуждению от постреволюционного политического порядка⁴⁰.

Последний был воспринят консерваторами как форма реализации бюрократического политического проекта. Безусловно, он выглядел предпочтительнее, чем требо-

вания либералов, и смог стать основой временного компромисса ради наведения элементарного порядка. Однако российский политический статус-кво, сложившийся после поражения первой русской революции, оказался слишком далек от консервативного эталона организации власти, чтобы консервативные политические силы смогли стать его полноценной опорой.

Примечания

¹ Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. СПб., 1901.

² Шереметев П.С. Заметки: 1900 – 1905. М., 1905. С.65 – 66.

³ В данном случае – представительных учреждений.

⁴ Черновик письма Николаю II, 24 декабря 1904 г. // ОР РГБ. Ф.126, оп.1, д.21/2, л.1 об.

⁵ Шарапов С.Ф. Опыт русской политической программы: I. Самодержавие и самоуправление. II. Сущность бюрократизма. М., 1905. С.9. Первое издание брошюры Шарапова «Самодержавие и самоуправление» появилось в 1899.

⁶ Там же. С.24.

⁷ По мнению современного исследователя, «на протяжении всего пореформенного периода у многих российских консерваторов крепло убеждение: если всевластию безответственной бюрократии не будет положен конец, монархию ждет падение, а Россию распад» (Карцов А.С. Русский консерватизм: модель непарламентарного представительства // Полис. 2006. №4. С.159).

⁸ Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т.2. С.708.

⁹ См., например: Spectator [Грингмут В.А.]. Ближайшая будущность России. М., 1895. С.17 – 18.

¹⁰ Цит по: Шарапов С.Ф. Опыт русской политической программы. С.85.

¹¹ «Московским ведомостям» предоставляли право публикации официальных объявлений, приносивших изданию гарантированный доход, а «Гражданин» и вовсе получал прямые казенные дотации.

¹² Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения? Переписка А.А.Киреева с Ф.Д.Самариным // Киреев А.А. Соч. Ч.2. Политика и полемика. СПб., 1912. С.233.

¹³ Там же. С.236.

¹⁴ Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю.Витте. Stuttgart, 1901. С.203. Не ставя вопроса о свертывании земской деятельности, Витте решительно высказывался против

усиления влияния земств на принятие управленческих решений.

¹⁵ Цит по: Кирьянов Ю.И. Русское собрание, 1900 – 1917. М., С.26.

¹⁶ См.: Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни: воспоминания // Минувшее. СПб., 1998. Т.24. С.40 – 41.

¹⁷ См.: Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т.5. С.378, 380; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопр. истории. 1997. №2. С.118.

¹⁸ См.: например: Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М., 1990, С.300.

¹⁹ См.: Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора. С.118.

²⁰ К.Н.Пасхалов – С.Д.Шереметеву, 25 марта 1905 г. // РГАДА. Ф.1287, д.5065, л.299 об.

²¹ Грингмут В.А. Историческое значение всероссийского съезда Русского Собрания // Собр. статей. М., 1910. Вып.4. С.81.

²² Щербатов А.Г. Сообщение о Государственной Думе в Союзе Русских Людей. М., 1906. С.15.

²³ Грингмут В.А. Русская Монархическая Партия и Государственная Дума // Собр. статей. М., 1910. Вып.4. С.206. Святополк-Мирский и Витте будут оставаться излюбленными антигероями консерваторов и после революции. См., например: Грингмут В.А. Когда можно будет признать крамолу прекращенной? // Там же. С.366; Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч.2. СПб., 1909. Стб.1501.

²⁴ А.А.Киреев – Ф.Д.Самарину, 16 января 1905 г. // ОР РГБ. Ф.265, к.190, д.32, л.10.

²⁵ К.Н.Пасхалов – С.Д.Шереметеву, 6 февраля 1905 г. // РГАДА. Ф.1287, оп.1, д.5065, л.115 об.

²⁶ Пасхалов К.Н. О мерах к прекращению недостатков и улучшению государственного строя. М., 1905. С.11. Попутно заметим, что подписанный в тот же день Манифест, в котором говорилось о необходимости решительного сопротивления крамоле, автор полностью одобрял, (там же. С.13).

²⁷ [Записка курских дворян] // ОР РГБ. Ф.265, к.125, д.6, л.1 об.

²⁸ Там же. Л.4.

²⁹ РГАДА. Ф.1287, оп.1, д.5050, л.100.

³⁰ Подробнее об этом см., например: Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 21-45.

³¹ Грингмут В.А. Историческое значение всероссийского съезда Русского Собрания // Собр. статей. С.81.

³² Правые партии. 1905 – 1917: документы и материалы / сост. Ю.И.Кирьянов. М., 1998. Т.1. С.103.

³³ Союз возрождения // ГАРФ. Ф.588, оп.1, д.1248, л.1.

³⁴ А.А.Киреев – Ф.Д.Самарину, б.д. // ОР РГБ. Ф.265, к.190, д.32, л.41.

³⁵ *Грингмут В.А.* Монархисты и правительство // Собр. статей. М., 1910. Вып.4. С.216, 217.

³⁶ См. изложение его ответа Николаю II: ОР РГБ. Ф.265, к.124, д.32, л.1-8.

³⁷ Ф.Д.Самарин – С.Д.Шереметеву, 27 августа 1906 г. // РГАДА. Ф.1287, оп.1, д.5074, л.364 об. – 365.

³⁸ А.А.Киреев – Л.А.Тихомирову, 6 января 1907 г. // ГАРФ. Ф.634, оп.1, д.101, л.172.

³⁹ Жребий брошен // Письма к ближним. 1907. №6. С.346.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Loukianov M.* Conservatives and «Renewed Russia», 1907 – 1914 // *Slavic Review*. Vol.61. №4. P.762 – 786.

BUREAUCRACY AND REFORM IN RUSSIAN CONSERVATIVE DISCOURSE AT THE END OF THE NINETEENTH AND THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

M.N.Loukianov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva str., 15

The author analyzes conservative interpretations of bureaucracy and its place in the transformation of Russian political system before and during the revolution of 1905 – 1907.